

Протоиерей Георгий Митрофанов

Монархическая идея в мировоззрении современного православного христианина

Последнее десятилетие в нашей церковной жизни стало временем, когда после 70 лет гонений и официального безмолвия на тему государственного развития России церковная иерархия и широкие круги православной общественности, наконец, получили возможность открыто обсуждать вопросы, касающиеся перспективы возрождения русской православной государственности. Среди подчас весьма разнообразных суждений, высказанных по данным вопросам, безусловно преобладающей следует признать точку зрения, согласно которой подлинное возрождение русской государственности связывается с восстановлением в нашей стране неограниченной самодержавной власти православного государя. При этом в качестве образцов подобной системы государственной власти предлагаются преимущественно царствования государей допетровского периода российской истории от Ивана Грозного до Алексея Михайловича.

Сторонники данной точки зрения предлагают далее в качестве непреложной «аксиомы религиозного опыта» утверждение, что лишь существование православной самодержавной монархии делает возможным полноценную церковную жизнь в истории любого православного народа и даже, более того, что монархическое государство является неотъемлемым атрибутом православной церковной жизни во все времена, ибо лишь подобное государство способно стать гарантом сохранения и торжества Православной Церкви в этом мире. Как утверждает один из последних манифестов сторонников рассматриваемой точки зрения с весьма характерным названием «Государственный катехизис»: «Единая Христова Церковь имеет две основные функции: внутреннюю, сакрально-евхаристическую... и внешнюю – осуществление отношений с миром, во зле лежащим... Для исполнения первой задачи Церкви учреждена в ней иерархия клира, или священства, возглавляет которую епископ... а для осуществления второй учреждена в Церкви иерархия мирян, или царство, которое возглавляет внешний епископ Церкви – Помазанник Божий».

Однако политическая жизнь современной России с суровой очевидностью демонстрирует почти полное отсутствие в ней не

только сколько-нибудь заметных политических движений и партий, но и сколько-нибудь влиятельных политических деятелей, которые бы сочли необходимым начертать на своих знаменах, в качестве основополагающего, лозунг возрождения русской православной монархической государственности. В результате значительная часть современных православных христиан России начинает воспринимать общественно-политическую жизнь страны как сферу, окончательно отчужденную от Православной Церкви, как сферу, в которой православный христианин не может достичь успеха, оставаясь верным своим религиозным убеждениям. Тем самым и без того секуляризованная, потрясающая невежеством своих представлений о Церкви общественно-политическая жизнь России окончательно отдается на откуп политикам, настроенным религиозно-индифферентно, а подчас и антицерковно, в то время как большинство православных христиан продолжает уже более 10 лет ожидать очередного государственно-политического чуда в виде дарования России православного государя. При этом меньшая, хотя и весьма активная часть православной общественности, в поисках каких-нибудь «православнообразных» политических сил, устремляется в самые причудливые, практически бесплодные и нравственно кощунственные соглашения с теми, кто и сейчас продолжает объявлять себя продолжателем идей русского коммунизма, поправшего Святую Русь. В политическом лексиконе современной России появляются такие одновременно бессмысленные и безнравственные понятия, как «православный сталинизм». Предметом серьезного обсуждения некоторых клириков и мирян становится брошюра коммунистического вождя Г. А. Зюганова «Вера и верность», спекулирующая на историческом невежестве наших современников и поражающая своим принципиальным бесстыдством по отношению к Русской Православной Церкви и российской монархической государственности, которым смеет воздавать дань уважения главный продолжатель дела Ленина, Троцкого и Сталина, столь потрудившихся над разрушением Церкви и уничтожением монархии.

Столь печальное сочетание идейного бесплодия и мировоззренческого бессмыслия в позиции широких кругов православной общественности, так и не сумевшей современно сформулировать и начать проводить в жизнь общественно-политическую позицию Русской Православной Церкви, в числе различных причин для своего объяснения имеет широко распространившийся в церковной среде религиозно-политический миф о якобы извечно существовавшей в земной истории и благословленной свыше монархической государственности, благодаря которой и стало возможно утверждение в мире Православной Церкви. Отсутствие не толь-

ко наличия, но и реальных перспектив появления подобной системы монархической государственности в современной России мировоззренчески дезориентирует и парализует волю многих русских православных христиан, превращает их в политических неудачников и прожектеров, находящихся на обочине общественной жизни современной России. Для подобной категории православной общественности с наличием в России православного государя начинает нерасторжимо связываться не только возможность возрождения традиционной государственной жизни в России, но и перспектива дальнейшего сохранения Православной Церкви в нашей стране. И чем менее реальным представляется им появление у нас православного самодержца, тем более распространяется ими другой искусительный миф русского религиозного сознания о «России перед вторым пришествием», ибо ведь не может же существовать Церковь в России без царя. Соблазн социально-политического утопизма, ввергнувший Россию в катастрофу 1917 г., в настоящее время уступил место соблазну религиозно-политического утопизма, парализующему волю православных христиан современной России и лишаящему их столь необходимой на пороге третьего тысячелетия христианской эры духовно-исторической трезвости.

В какой мере можно прояснить действительно важный вопрос о взаимоотношениях церковно-иерархической и государственно-монархической властей в христианской истории? Насколько прояснение подобного вопроса может оказаться полезным для решения конкретных проблем христианской политики в современной России?

Сотворенное Богом мироздание, изначально вобравшее в себя полноту тварного бытия, не предполагало наличие в творении государства. Пребывавшие в раю в непосредственном общении с Богом Адам и Ева являли собой Церковь, как единственную форму объединения людей созданных по образу и подобию Божию. Первоначальное безгрешное состояние первых людей, когда они свободно поклонялись Богу, делало излишним какие-либо иные формы объединения людей кроме Церкви. Для государства не было места в раю. Лишь грехопадение первых людей, извратившее глубинные онтологические основы творения и привнесшее зло и насилие как в природу, так и в человеческое общество, вызвало к жизни государственную власть в качестве основанной на внешнем принуждении силы, призванной объединить людей на иных началах, нежели те, которые объединяли людей в первозданной Церкви. Государство явилось одним из основных результатов грехопадения, проявившихся в земной истории отпадшего от Бога человечества, в древнейшие времена лишь по попущению Божию.

Формы организации государственной власти в дохристианскую эпоху истории человечества были весьма разнообразны от жестко централизованных огромных монархий Египта и Китая до относительно свободных демократий городов-государств античной Греции. Однако для всех форм языческого государства основополагающим являлось представление о том, что именно через государственную власть осуществляется в мире воля богов. При этом языческий монарх мог носить титул верховного жреца или почитаться как живой бог, а собрание свободных граждан в античной демократии опиралось на принцип «глас народа – глас божий». Многие века и даже тысячелетия языческий человек воспитывался в убеждении, что именно служение государству является для него главной религиозной обязанностью по отношению к почитаемым им языческим богам. Сакрализованный характер языческого государства постоянно подчеркивал, что после отпадения от Бога человек превратился не только в раба поврежденных его грехопадением природных стихий, но и в раба дьявола, многолико являвшегося человеку в культах языческих богов и возвещавшего человеку свою сатанинскую волю через религиозно поработившее человека языческое государство.

Возникшее по поущению Божию языческое государство позволяло человеку выживать в отпадшем от Бога мироздании, но полнота жизни, и прежде всего жизни духовной, была доступна человеку лишь в Церкви, связывавшей его с единым и истинным Богом. В дохристианскую эпоху лишь богоизбранный иудейский народ оказался удостоенным великой миссии стать хранителем Божественного Откровения. Именно в его среде и стало возможным возрождение, казалось, навсегда утраченного человечеством связи с Богом посредством сонма ветхозаветных праведников, воссоздавших тогда еще только среди богоизбранного народа Церковь. Ветхозаветная Церковь, как не имевший места у других народов союз людей с Богом, в полной мере утвердила себя тогда, когда еврейский народ покинул Египет, где подобно другим народам пребывал в рабстве у государства языческих фараонов, и оказался вне всякой государственной власти в пустыне. Поставленный перед великим выбором между свободной жизнью в Церкви, которую Бог на 40 лет как будто вывел за пределы языческого мира в пустыню, и прежним рабством в государстве египетских фараонов-язычников богоизбранный иудейский народ в большинстве своем предпочел духовную свободу Церкви духовному рабству государства.

Однако уже в «земле обетованной» после многих лет борьбы с языческими народами, имевшими своих земных царей, богоизбранный народ поддался соблазну восполнить власть Бога в Вет-

хозаветной Церкви властью царя в своем земном отечестве. *Поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов*, – призывали иудеи пророка Самуила. Потрясенные готовностью иудеев предпочесть свободной жизни в Церкви рабское существование под властью государства св. пророк Самуил воззвал к Богу. *И сказал Господь Самуилу: не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними* (1 Цар. 8, 5–7). Таковы драматичные обстоятельства утверждения первого в истории богоизбранного народа царя Саула, впервые в истории человечества получившего от св. пророка Самуила помазание на царство по благословию единого и истинного Бога. Уже царствование Саула как, впрочем, и весь период правления многочисленных иудейских и израильских царей стали временем постоянных искушений Ветхозаветной Церкви, когда и Саул, и многие последующие порой и праведные цари пытались укрепить свою государственную власть, насаждая среди своих подданных языческие культы. Не случайно одной из основных тем в обличительных проповедях ветхозаветных пророков становится тема искусительности земной царской власти для богоизбранного народа.

Просуществовав около 500 лет в истории богоизбранного народа, монархическая государственность не только постоянно являлась источником религиозных и нравственных соблазнов для своих подданных, но и оказывалась не в состоянии оградить Ветхозаветную Церковь от порабощения иноземными языческими монархиями, на несколько веков уничтожившими и власть иудейских царей. Духовно-исторический смысл существования монархической государственности в истории богоизбранного народа с удивительной глубиной был выражен возвестившим волю Божию св. пророком Осией: *Я дал тебе царя во гневе Моем, и отнял в негодовании Моем* (Ос. 13, 11).

Соблазнявшиеся своими царями при существовании у них государственности иудеи в еще большей степени стали соблазняться искушением обрести для себя царство земное в эпоху рассеяния. Постепенно в сознание богоизбранного народа даже образ Мессии начинает приобретать черты земного, почти языческого государя, а его приход все чаще связывается с созданием тысячелетнего земного царства, в котором Мессия даст иудеям власть над другими народами. От Бога Ветхозаветной Церкви иудеи теперь ожидали того, чего ожидали от своих многоликих идолов не просвещенные Божественным Откровением языческие народы, – иудеи чаяли царства от мира сего.

Поэтому, когда пришедший на землю Мессия, воплотившийся Богочеловек Иисус Христос возвестил иудеям, что *Царство Мое не от мира Сего* (Ин. 18, 36), Он был отвергнут большин-

ством богоизбранного народа. Иудеи, даже порой лучшие из них, ожидали Мессию, поддавшегося на третье дьявольское искушение. *И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое. Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи»* (Лк. 4, 6–8). Уже ни одно столетие пытавшиеся совместить в своем сознании служение Господу с хилиастическими ожиданиями тысячелетнего царства земного «государственнически» представляемого Мессии, иудеи отказались идти за Христом в Царство Небесное и остались в своем большинстве вне пределов основанной Христом Новозаветной церкви. Однако и Ветхозаветная Церковь безвозвратно ушла для иудеев в историческое прошлое, ибо, отказываясь идти за Христом, в Царство не от мира сего, представители богоизбранного народа в поисках царства от мира сего предпочли преклониться перед языческим римским императором, когда кричали Пилату: *нет у нас царя, кроме кесаря* (Ин. 19, 15). Место мессиански ожидавшегося Богочеловека Иисуса Христа занял прагматически выбранный иудеями языческий человекобог – римский император. Так завершилась тысячелетняя ветхозаветная теократия, в которой впервые в человеческой истории была предпринята попытка совместить Царство Небесное и царство земное, Царство Бога и царство кесаря. С этого времени уже новому богоизбранному народу – христианам, объединенным в Новозаветную Церковь, основанную Богочеловеком Христом, предстояло мучительно и трудно решать один из самых искусительных в человеческой истории вопросов, получивших в наше утилитарно рассудительное время лаконичную формулировку вопроса об отношении Церкви и государства.

Языческий мир в лице представителя римской государственной власти Понтия Пилата, встретившийся со Христом, также не мыслил иных форм объединения людей, кроме царства земного. Поэтому, когда во имя успокоения иудейского населения одной из римских провинций нужно было казнить странного проповедника царства не от мира сего, Пилат сформулировал его преступление, «государственнически» просто инкриминировал ему «преступное намерение» стать «Царем Иудейским».

Однако христиане были готовы проповедовать в пределах земного царства языческого римского кесаря благую весть о Небесном Царстве Христа. И это глубокое ощущение реальности Царства Небесного, присущее первым поколениям христиан, обуславливало у них, к сожалению, редко свойственное христианам последующих эпох чувство самодостаточности Церкви по отно-

шению к государству. Это удивительное ощущение полноты церковной жизни у первых христиан впоследствии в простых и ясных категориях «государственнического» мышления выразил св. Иоанн Златоуст: «Все законы, по которым должна быть устроена жизнь Церкви, называются Божественными, ниспосланными с неба; законодатель их Сам Бог». Языческое римское государство могло обрушивать на Церковь кровавые гонения или коварно предлагать христианам религиозно-политические компромиссы, но для христиан, свободно шедших за Спасителем в Царство не от мира сего, любая религиозная политика кесарей представлялась чем-то безусловно вторичным в исторической жизни Церкви. Отдавая Богу Богово, а кесарю кесарево, первые христиане оставались лояльнейшими гражданами Римской империи, исправно платили подати, мужественно умирали на поле брани, даже не покушались на социальные устои рабовладельческого Рима и все-таки никогда не поклонялись императору как богу, никогда не путали государственную бюрократию и церковную иерархию, никогда не связывали торжество Церкви Христовой с торжеством Римской монархической государственности.

В первые три века своей земной истории Церковь смогла одержать одну из своих главных духовно-исторических побед, когда, будучи подвергнута гонению со стороны одного из величайших в истории монархических государств, Церковь смогла возвыситься над необходимостью бороться с государством или покориться государству, но оставалась свободной от государства. Поразительная духовно-историческая трезвость христиан первых веков по отношению к религиозно-политическим возможностям государства в церковной жизни проистекала из удивительно взвешенной оценки роли царства кесаря в мировой истории, которая может быть выражена в блестящем афоризме В. С. Соловьева: «Государство не призвано создать на земле рай, государство лишь призвано сделать так, чтобы жизнь на земле не превратилась в ад».

Однако в IV в. римская монархическая государственность, без которой Церковь обходилась три столетия, преклонила свою главу перед Христом и римские императоры повели своих подданных в лоно Церкви. Начался растянувшийся на многие века, исполненный больших искушений и профанаций процесс оцерковления государства, процесс придания церковнообразных форм безличному царству кесаря, в котором подлинное воцерковление оставалось доступным лишь конкретным личностям независимо от того, являлись ли эти личности облаченными в потиру императорами, или одетыми в рубище рабами.

Нашим православным современникам подчас кажется, что действительно уникальная, просуществовавшая почти полтора ты-

сячетлетия византийская цивилизация смогла создать законченную, на все времена универсальную систему церковно-государственных отношений, которая может быть воспроизведена в церковно-политической жизни каждого православного народа в любую историческую эпоху. А, между тем, реальные факты истории Православной Церкви в Византийской империи являют нам исполненную глубокими внутренними конфликтами картину трудно, а, подчас, и поверхностно оцеровлявшейся монархической государственности в медленно, но искренно и глубоко воцеровлявшемся византийском обществе. Первые христианские государи в Византии еще продолжали носить языческий титул верховного жреца, и только в середине V в. произошла первая коронация византийского императора как православного царя. Среди почти 80 византийских государей было лишь 12 святых, но почти столько же императоров оказывались вплоть до X в. покровителями многих сотрясавших Православную Церковь ересей от арианства до иконоборчества. Только в X в. власть византийских императоров стала освещаться миропомазанием, что не помешало некоторым миропомазанным на царство государям дважды навязывать Православной Церкви унию с папским Римом.

Имея перед собой тысячелетнюю монархическую государственность, персонифицированную в личностях византийских императоров, православная церковная иерархия всегда стремилась не к утопическому идеалу оцеровленного государства, но уповала на воцеровление личностей конкретных государей. Формулируя учение о симфонии патриаршей и императорской властей в строгих богословских понятиях и ярких художественных образах византийской духовной культуры, православные иерархи настаивали на том, чтобы христианский государь, наделенный огромными полномочиями в области государственной жизни, в вопросах духовных должен выступать как смиренный сын Церкви. Его отношение к Патриарху это отношение духовного чада к духовному отцу. Без каких-либо формальных обязательств православной государь должен принимать Божью волю, выраженную через благословение церковных соборов и православного первосвященителя как основополагающее указание для своей государственной деятельности. В подчеркнутом нежелании православной иерархии формальными, имеющими законодательную силу соглашениями обязывать императоров исполнять волю патриархов и включать императорскую власть в систему канонических отношений Церкви проявлялось всегда присущее православной иерархии ясное осознание непреходимой грани между царством Небесным и царством земным, онтологической несопоставимости Церкви и государства.

Весьма показательно, что сколь бы высоко ни превозносилась императорская власть в соборных посланиях или проповедях византийских церковных иерархов, идея православной монархической государственности так никогда и не приобрела формы соборно принятого общеобязательного догматического учения Церкви. Как бы ни стремилось византийское государственное законодательство, начиная с VI новеллы Юстиниана, интегрировать в церковную жизнь монархическую государственность как нечто сопоставимое по своей природе с церковной иерархией, церковные каноны так никогда и не обосновали статус царя-помазанника в церковной жизни. «Чтобы ты не говорил, что Церковь стоит твердо по причине мира с царями, Бог попустил ей терпеть гонения тогда, когда она была меньше и, казалось, слабее; да познаешь из этого, что и нынешняя твердость ее зависит не от мира с царями, а от силы Божией». Так еще на заре православной государственности в Византии св. Иоанн Златоуст определял место монархии в церковной жизни. И этому взгляду великого отца Церкви старалась сохранить верность последующая святоотеческая богословская традиция Византии несмотря на все безусловные исторические заслуги многих византийских государей перед Православной Церковью.

Просуществовавшая почти тысячу лет православная византийская монархия явилась уникальным опытом сосуществования древней европейской монархической государственности и непревзойденных по своему духовному вкладу в историю христианского мира Поместных Церквей Православного Востока. Однако подобно ветхозаветной монархии власть византийских императоров не смогла в полной мере исполнить свою миссию «удерживающего» по отношению к враждебному Православной Церкви монархиям иноверного востока, веками разрушавшим могущество Византийской империи. Ушедшая более 500 лет назад вместе с Византийской империей в историческое прошлое православная монархическая государственность византийского типа оказалась трудно воспроизводимой в последующей истории государств других православных народов.

Наиболее последовательно и продолжительно византийский опыт созидания православной монархической государственности в качестве обязательной составляющей жизни Православной Церкви имел место в истории России. Однако и в русской истории симфония государственной и церковной властей оставалась, скорее, идеалом, нежели реальностью, и чаемое русскими православными подвижниками Царство Небесное мало походило на создавшееся русскими государями царство земное. Весьма драматично сложившиеся обстоятельства русской истории, включавшие

в себя трехвековой период удельной раздробленности и двухвековое монгольское завоевание, не позволили сформироваться на Руси системе монархической государственности византийского типа в первые 500 лет после Крещения Руси. Впрочем, именно на этот пятисотлетний период отсутствия на Руси власти православных самодержцев приходятся все святые русские государи, среди которых значительное место занимают князья-страстотерпцы, составляющие характерный именно для Русской Православной Церкви тип святости. Содержание подвига князей-страстотерпцев прежде всего составляет безвинная смерть, принимавшаяся подвижниками с христианским смирением подчас без всякой связи с исполнением ими их государственных обязанностей. В почитании именно такого рода подвижничества своих государей, начавшегося с первых прославленных в Русской Православной Церкви святых князей Бориса и Глеба, выразилось очень характерное для русского церковного сознания ощущение несовершенства царства земного по его природе, когда именно в отвержении себя от жизни, а значит, и от власти, праведный государь прежде всего и может стяжать себе венец православного святого.

Лишь на рубеже XV–XVI веков в русской истории появляется первый коронованный по византийскому чину князь Димитрий, внук Ивана III, которому так и не суждено было вступить на престол русского самодержца, как стали именовать себя великие московские князья во второй половине XV в. И только в 1547 г. на русском троне оказался коронованный, хотя и не удостоившийся миропомазания царь Иван Грозный. Его противоречивое правление, исполненное и блистательных побед, и страшных преступлений, создавшее в русской истории прецедент пролития православным царем крови православных святых, как будто отразило в себе преимущественно теневые стороны византийской монархической государственности и сделало Москву более похожей на второй Вавилон, нежели на Третий Рим. Первый же миропомазанный на царство русский православный государь Феодор Иоаннович лишь драматично завершил правление династии Рюриковичей и ознаменовал своей ранней кончиной начало страшных 15 лет Смутного времени, когда так и не состоявшаяся в России к XVII веку величественная византийская симфония царской и патриаршей властей, казалось, окончательно была заглушена зловещей холопско-боярской какофонией государей-самозванцев в лице Лжедмитрия I и государей-временщиков в лице князя Василия Шуйского, всегда смиренномудро уклонявшаяся от блистательного и кровавого бремени государственной власти русская церковная иерархия на этот раз в лице св. патриарха Гермогена спасла российскую монархическую государ-

ственность и выстрадала мученической смертью своего первосвященителя – Земский Собор 1613 г., избравший на царство юного Михаила Феодоровича Романова. Исполненные великого смятения и потерявшие надежду на пребывавшую в разрухе государственную власть члены Земского Собора попытались защитить юного царя и его потомков авторитетом власти церковной и не будучи церковным собором и не имея на то канонических прав все же приняли грамоту с церковным отлучением всех, кто отречется от государей новой династии.

В период правления первых самодержцев из династии Романовых Русская Православная Церковь и русская монархическая государственность, казалось, как никогда близко подошли к воплощению идеала симфонии патриаршей и царской властей. Однако исполненный тяжелейших внешних испытаний и разносторонних внутренних противоречий XVII в. не позволили даже одному из наиболее благочестивых русских государей, царю Алексею Михайловичу, надлежащим образом исполнить миссию «верховного ктитора» Церкви, спасшей монархическую государственность в России в годы Смутного времени. Самый выдающийся в XVII в. после св. Патриарха Гермогена первосвященитель Патриарх Никон был отправлен по воле царя Алексея Михайловича Большим Московским Собором 1666–1667 гг. в заточение. Исправление богослужебных книг и обрядовая реформа переросли во многом благодаря вмешательству в церковную жизнь царей Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича в разрушительный старообрядческий раскол, когда впервые в русской истории кровавое гонение православной монархической власти обрушилось на поборников древнерусского православного благочестия.

Представляющийся сейчас периодом некоей церковно-государственной идиллии XVII в. завершился правлением государя Петра Великого, который не только окончательно отказался от византийского идеала симфонии патриаршей и царской властей, но и дерзнул разрушить каноническое устройство высшего церковного управления, упразднив, как оказалось, более чем на 200 лет церковные соборы и патриаршество. Стремясь превратить русскую церковную иерархию в инструмент, послушный воле лишь царства земного, воплощенное в российском самодержце, Петр Великий законодательно подчинил Церковь самодержавным государям, несмотря на свое помазанничество на царство, все же остававшихся мирянами. Впоследствии определив в Основных законах Российской Империи место императора как «верховного защитника и хранителя догматов православной веры», синодальная система попыталась как будто окончательно перенести догматическую жизнь Церкви из Царства Бога в царство кесаря.

Граничившие с кощунством коронации императриц Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины Великой, когда миропомазанных на царство государынь вводили царскими вратами в алтарь и причащали по царскому чину у св. престола, лишь подчеркивали чуждость синодальной системы не только литургической, но и канонической традициям Православной Церкви. Вошедшее в анналы истории Российского государства как «блистательный век» царствование Екатерины Великой в русской церковной истории стало периодом имущественного опустошения церковной иерархии, административного гонения на монастырское монашество, социального унижения православного духовенства и глубокой секуляризации русской духовной культуры.

Лишь открывшийся коротким, но благодетельным для Церкви царствованием Императора Павла I XIX в. оказался периодом медленного, подчас непоследовательного возвращения русской самодержавной монархии к исконным традициям православной монархической государственности. И все же омраченный двумя цареубийствами и трудными поисками места Российской Империи в секуляризовавшейся Европе XIX в. не стал временем отрешения российских государей от соблазна оставаться «защитниками и хранителями догматов православной веры». И только последний российский Император Николай II глубоко осознал духовную ложь Синодальной системы подчинения Царства Бога царству кесаря и предпринял впервые за 200 лет конкретные меры для восстановления в Русской Православной Церкви власти Поместного Собора и Патриарха, а значит, и для возрождения в русской государственной жизни реальной, а не формальной православной монархической власти. Необъятность задач, стоявших перед Россией в период царствования Императора Николая II, когда социально-экономическая и общественно-политическая модернизация страны должна была сочетаться с сохранением традиционных устоев ее духовно-исторического бытия, не позволила последнему самодержцу восстановить каноническое высшее церковное управление. И уже не при исполненном высокого личного благочестия государе Николае II, а при приверженном к безликому религиозному индифферентизму Временном правительстве Русской Православной Церкви удалось созвать Поместный Собор и в условиях начинавшейся гражданской войны восстановить Патриаршество.

Завершившее 930-летнюю эпоху христианской государственности и 370-летний период церковно-коронованной самодержавной власти в России царствование Императора Николая II, принявшего со своей венценосной «малой церковью» страстотерпческую кончину, через подвиг страстотерпчества своих государей

как будто напомнило русскому православному народу, что не в утверждении земного царства может приходиться в этот мир Царство Небесное, что и через отречение от царской власти и через отвержение от земной жизни может стяжаться венец церковной святости, венец царства не от мира сего. Подобно своей предшественнице монархии византийской монархия российская ушла в историческое прошлое, оставив своим бывшим подданным Православную Церковь, государственно не защищенную и богоборцами гонимую. Однако утверждавшая себя в человеческой истории не внешним покровительством многочисленных земных, хотя бы и православных государей, но благодатным попечением своего единственного Божественного Основателя – Иисуса Христа – Православная Церковь продолжает жить в мире, в котором уже нет, а возможно, и никогда не будет ни одного православного монарха.

Из двух основных, известных еще с дохристианских времен форм государственной власти – монархии и республики, человечество в своем подавляющем большинстве предпочло республиканское государство. Конечно, республики новейшего времени во многом отличаются от античных демократий. Подавляющему большинству современных республиканских государственных деятелей уже не приходится в голову считать волеизъявление своих избирателей или постановления своих парламентов отзвуками гласа языческих богов или проявлением христианского Божественного Промысла. Тенденция к максимальной секуляризации государственной жизни вплоть до отделения в христианских странах Церкви от государства уже давно стала господствующим настроением мировой политической элиты. И если двухтысячелетний опыт Церкви во взаимоотношениях с оцерковлявшимися монархиями определенно продемонстрировал невозможность даже для православных монархий исторически органично и канонически безупречно войти в полноту церковной жизни, тем меньше должно оставаться иллюзий относительно возможности оцерковления секуляризованных республиканских государств.

Русская Православная Церковь, подобно всем остальным Поместным Православным Церквам, должна осуществлять свое служение в настоящее время, имея дело с современным секуляризованным государством, по своим юридическим формам республиканским, по своему политическому содержанию, в лучшем случае демократическим, а в худшем случае тоталитарным по своим духовным устремлениям, в лучшем случае религиозно индифферентным, а в худшем случае атеистическим. Как же совместить эту современную реальную политику с распространенным в широких кругах церковной общественности предрассудком о том, что Православная Церковь может в полной мере осуществлять

свое служение лишь в православном монархическом государстве и с реальным историческим опытом церковной иерархии, испытавшей после падения православных монархий в различных странах в основном государственную политику скрытых гонений или открытых репрессий?

«Какую вредную подрывную работу при борьбе за престиж Церкви и христианства, – писал выдающийся церковный историк и общественный деятель А. В. Карташев, – производят те из христиан с непросвещенным сознанием, которые продолжают понимать задачи христианского государства в наше время, как задачи возврата к исторически закономерно исчезнувшему строю старых патриархальных государств». Действительно, лишь прекращение «увязывания» церковной жизни с той или иной исторически преходящей формой организации государственной власти, в том числе и со столь привычной для христиан православной монархией, может позволить Церкви в современных условиях выйти из той общественно-политической резервации, в которой ее пытаются оставить как обращенные в безбожное будущее секуляризованные государственные деятели, так и обращенное к теократическим утопиям прошлого фундаменталистские круги церковной общественности.

Важнейшей тенденцией в деятельности еще только складывающегося в России современного правового государства наряду с секуляризацией всех сторон государственной жизни является стремление делегировать гражданскому обществу значительную часть своих управленческих функций. Именно гражданское общество с развитой инфраструктурой своих многочисленных политических, благотворительных и просветительских организаций станет важнейшим субъектом исторической жизни XXI в. Поэтому именно в воспитании православно верующих и патриотически мыслящих членов этого гражданского общества должно заключаться основное направление миссионерско-просветительской деятельности Церкви в современном мире. «Мы... не можем не разделять искреннего плача православных русских сердец об утрате миропомazanного защитника Церкви, главы православного народа, – писал А. В. Карташев в своей замечательной книге «Воссоздание святой Руси». Во всяком случае нам не по пути с политиками, садистски забивающими колы в могилу православного царства. Но мы не впадаем и в апокалиптический пессимизм. Не останавливаемся на одной защитной позиции... Церковь не лишена средств для теократического влияния на жизнь. Она имеет для выполнения этой задачи новых союзников – силы общественности... Особенно ценно в этой новой симфонии Церкви с обществом то, что она сохраняет свою внешнюю и внутрен-

ную свободу – залог ее теократической силы. А наше время неотступно призывает Церковь к ее подлинно теократической интервенции в жгучие вопросы современности, со всей силой ее свободного от государственной зависимости авторитета».